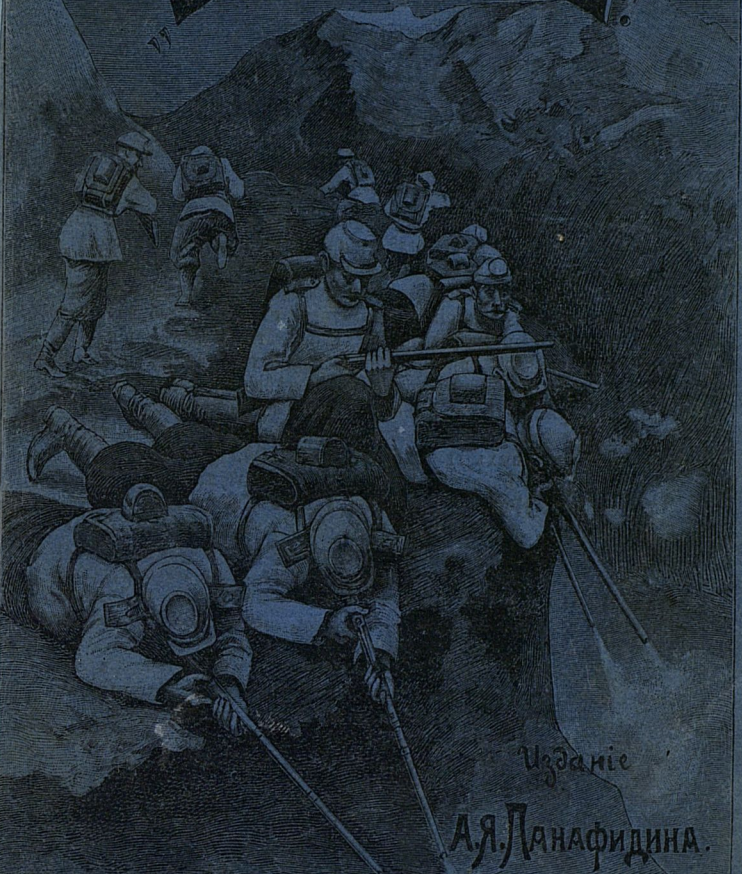

2261
266
Вас. Немировичъ-Данченко.

БОГЪ ПОМОГА!

Издание

А.Я. Ланафидина.

У КНИГОПРОДАВЦА-ИЗДАТЕЛЯ

А. Я. Панафидина.

МОСКВА, Покровка, Ляанъ пер., соб. д., № 11—13.

ПРОДАЮТСЯ, МЕЖДУ ПРОЧИМЪ, СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ:

Александровъ Н. А.

НАРОДЫ РОССИИ.

ЭТНОГРАФИЧЕСКІЕ

РАЗСКАЗЫ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

Вып. I. — Пустыни сѣвера и ихъ кочующіе обитатели.

Иллюстрировано М. Миньшинымъ, А. Шарлеманемъ и др.

Изданіе 2-е.

Въ первомъ изданіи рекомендуется, какъ необходимое пособие, Учебнымъ Комитетомъ IV отдѣленія Собственной Ея Императорскаго Величества Канцеляріи, при преподаваніи географіи Россіи въ старшихъ классахъ институтовъ и женскихъ гимназій, а также въ учительской семинаріи Воспитательнаго дома. Одобрена учебнымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, для библиотекъ гимназій, прогимназій и уѣздныхъ училищъ. Рекомендуется Учебнымъ Комитетомъ при Святѣйшемъ Синодѣ, для библиотекъ, мужскихъ и женскихъ духовныхъ училищъ. Одобр. Главн. Управлен. военно-учебныхъ заведеній для чтенія воспитанникамъ военныхъ гимназій и прогимназій. М. 1898 г.

Цѣна въ папкѣ 1 р. 50 к., въ перепл. 2 р.

Тоже. Вып. II-ой. — Инородцы лѣсовъ (Сибирь), съ рисунъ. Броза и друг. М. 1899 г., ц. 1 р. 50 к., въ папкѣ 1 р. 75 к., въ перепл. 2 р. 25 к. Оглавленіе: Камчадалы съ Курильцами, Тунгусы, Амурскіе Тунгусы (Орочане, Манягры, Бирары, Мангуны или Ольчи и Орочи), Гольды и Гиляки, Якуты и Долгане, Вогулы, Сибирскіе Татары и Бухарцы, Алтайскіе Калмыки, и толкователь.

Его-же. Волга. Этнографическіе рассказы для дѣтей. Съ рис. Изд. 2-е. Въ первомъ изданіи одобрена Мин. Нар. Пр. для употребленія въ низшихъ училищахъ и внесено въ опытъ казачаго учебн. библ. средн. уч. зав. Вѣд. Мин. Нар. Пр. и для бесплатныхъ народныхъ читаленъ. М. 1898 г. Цѣна 1 р., въ папкѣ 1 р. 25 к., въ перепл. 1 р. 60 к.

В. И. Немировичъ-Данченко.

БОГЪ ПОМОГЪ.

(ИЗЪ ВОЕННЫХЪ ВОСПОМИНАНІЙ).

VIII.

СОБСТВЕННОСТЬ КНИЖНАГО СКЛАДА,

спеціально для иногороднихъ,

А. Я. ПАНАФИДИНА.

Покровка, Лялинъ пер., соб. д., № 11—13,

въ Москвѣ.

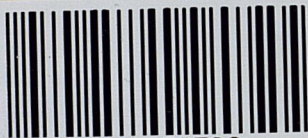
МОСКВА.

Первая женская типографія Е. Гербекъ, 2-я Мѣшанская, 26.

1899.

Дозволено цензурою. Москва, апрѣля 29 дня 1899 г.

5792-0

2007052708

БОГЪ ПОМОГЪ *).

(Изъ военныхъ воспоминаній).

Вечеръ и ночь 11-го августа на вершинахъ
св. Николая.

Нечего говорить, съ какимъ лихорадочнымъ нетерпѣнiемъ, съ какою душевною болью мы подѣзжали къ высотамъ Шибкинскаго перевала. Такъ, отсутствующій другъ спрашиваетъ объ агоніи близкаго ему человѣка, какъ мы—встрѣчавшихся намъ солдатъ о положеніи дѣлъ на св. Николаѣ. „Вystоятъ ли еще два часа?“ „Удержатся ли до нашего прихода“?.. Въ отвѣтъ намъ сомнительно качали головой и просто отдѣлывались, махнувъ рукою, чтобы не сказать горькаго слова, не передать зловѣщаго пред-

*) Разсказъ автора начинается съ той минуты, какъ онъ подѣхалъ къ Шибкинскимъ высотамъ, на которыя уже трое сутокъ обрушивались полчища Сулеймана паши. Горсть русскихъ солдатъ все это время геройски отстаивала эти мѣста отъ въ двадцать пять разъ сильнѣйшаго врага.

положенія... Съ каждою верстою отрядъ Драгомирова безъ приказаній самъ прибавлялъ шагу, торопился. И странное дѣло: еще вчера, когда солдатъ понукали итти, когда нарочно для этого позади слѣдовали офицеры — отрядъ растягивался на версты, народъ разбивался на отдѣльныя кучки, пользовался всякимъ случаемъ, чтобы привалиться къ дереву и отдохнуть; теперь всѣ шли сомкнутыми колоннами, каждый самъ чувствовалъ, что онъ крайне нуженъ, и нуженъ именно въ эту минуту. Я уже говорилъ *), что молчаливые до тѣхъ поръ стрѣлки, по выходѣ изъ Габрова, услышавъ отдаленный гулъ орудій съ батарей св. Николая, разомъ, какъ одинъ человекъ, крикнули „ура“ и весело, съ пѣснями двинулись впередъ. Веселость эта пропадала по мѣрѣ приближенія къ мѣсту, по мѣрѣ того, какъ зловѣщія вѣсти доходили до отряда.

Въ слѣдующіе разы, когда я ѣздилъ въ Габрово и возвращался оттуда, я понялъ поразительную красоту Шибкинскаго ущелья, по которому тянулась наша дорога. Въ первый же и чудно прекрасныя горы, и гремучая въ порогахъ Янтра, и лощины, уходящія въ сырой мракъ дубоваго и буковаго лѣса, точно пропадали изъ глазъ. Мы ихъ не видѣли, не смотрѣли на нихъ. Нѣсколь-

*) Въ очеркѣ „Три славныхъ дня“.

ко живописныхъ каменныхъ мостовъ горбами переброшено черезъ горную рѣку, отовсюду вѣтъ свѣжестью, все оживлено тысячами бѣглецовъ изъ долины Марицы и Тунджи, разбившихъ здѣсь бивуаки. Тѣ же благословенія вслѣдъ нашему отряду. Особенно въ памяти у меня осталось лицо старухи, встрѣтившей солдатъ при самомъ началѣ подъема, гдѣ ущелье, суживаясь, нѣсколько напоминаетъ выходъ Дарьяла къ сѣверу. Стала на колѣни, бѣдная, крестить мимопроходящихъ, а изъ глазъ такъ и льются крупныя слезы. Около—больной ребенокъ раскинулся и таращится на насъ, убогая сума лежитъ... Подъемъ начинается верстахъ въ семи отъ Габрова, онъ все время вползаетъ по крутымъ откосамъ торь. Прежде это была узкая тропинка—теперь широкая и гладкая дорога, проложенная нашими саперами. Направо зеленѣютъ пустынные горы. По лѣсамъ, одѣвшимъ ихъ склоны, бродяжничаютъ только отряды черкесовъ и баши-бузуковъ. На дняхъ тутъ пристрѣлили офицера, одиноко возвращавшагося въ Габрово...

Жутко становилось по мѣрѣ приближенія къ перевалу. Даже трудно теперь воспроизвести этотъ трепетъ ожиданія, эту тревогу отряда... Все мѣшается въ одну толчею, помнишь только обрывки... Я ѣхалъ вмѣстѣ съ горной батареей Орлова... Вдали слышалась трескотня, точно сотня телѣгъ грома-

хаетъ по безобразной мостовой. Вдругъ что-то свиснуло около, еще нѣсколько секундъ—кто-то простоналъ рядомъ.

— Что ты? спрашиваетъ офицеръ.

— Въ ногу вдарило, ваше благородіе!

И бравый рослый солдатъ валится безсильно о земь...

Трескотня все громче и громче... Ближе посвистываютъ пули... Безсознательно прищпориваешь лошадь и стремглавъ проносишься черезъ шибко обстрѣливаемую сѣдловину. Отсюда видны почти всѣ наши позиціи... Громадный св. Николай съ предгоріями, служащими точно пьедесталомъ его конической вершинѣ. Съ нея грозно смотрятъ стальная и круглая батареи, и едва-едва намѣчиваются черточками рвы, въ которыхъ залегли наши. Чуть-чуть ниже батарей выпятился налѣво многоугольникомъ бывшій турецкій редуть*). Дорога снизу отъ большого перевязочнаго пункта взбѣгаетъ на сѣдловину, отдѣляющую первое предгоріе отъ св. Николая. Сѣдловина эта—обрывается внизъ направо и налѣво: всякій, кто проѣзжаетъ по ней, какъ на ладони. Турки могутъ бить здѣсь на выборъ, что они и дѣлаютъ дѣйствительно. И при томъ съ обѣихъ сторонъ. За сѣдловиной дорога зигзагами взвивается на первую вершину, откуда направо сползаетъ внизъ

*) Редуть—укрѣпленіе,

и теряется въ лѣсу слѣдующей горы, только что взятой турками. За ней прячется невидимая снизу Лысая гора, гдѣ турки не только успѣли устроиться какъ у себя дома, но и поставили батарею и прорыли траншеи во всѣхъ направленіяхъ. Передъ Лысой горой цѣлый рядъ отдѣльныхъ лѣсистыхъ вершинъ къ западу. Тутъ видны и Зелено-Древо, и дальние очерки Траяна. Надо всѣми ими возвышается голая сѣрая скала, вѣнчающая громадную вершину св. Николая, уступы которой обрываются въ „царство розъ“ долины Казанлыка... Дальше ужъ и не разобрать: море валовъ, вершинъ хребтовъ и гребней, которые, когда мы въѣзжали на св. Николай, тонули въ сумеркахъ вечера... Налѣво отъ св. Николая возвышаются лѣсистыя горы, одна другой круче, но поставленные каждая отдѣльно. Едва-едва виднѣется за ними Бедекъ, и даже въ бинокль не различить очерки Хаинкюя... Горы, прилегающія къ св. Николаю слѣва, въ день нашего прибытія были уже заняты турками, и оттуда по нашему отряду открыли сильный огонь...

Навстрѣчу—только что прискакавшій корпусный командиръ Радецкій. Поразительна была минута, когда, пріѣхавъ на позицію, Радецкій въ карьеръ взлетѣлъ по крутой горѣ на брустверъ батареи, откуда открывалась вся атака турокъ внизу и куда градомъ сыпались пули. Радецкій отсюда осмотрѣлъ по-

зиціи, спокойный подъ убійственнымъ огнемъ непріятели. Когда стрѣлки, расположившіеся у первой батареи, орловцы на окраинахъ дороги по лѣвую сторону, и дружина наверху увидѣли нашъ отрядъ, по всѣмъ гребнямъ позицій раздалось такое дружное и радостное „ура“, что оно на минуту покрыло и трескотню выстрѣловъ, и гвалтъ турецкаго наступленія, озлобленно и неистово переходившаго съ одной высоты на другую. Свѣжіе батальоны стрѣлковъ моментально, не ожидая приказаній, кинулись на гору и залегли на ея карнизахъ. Наступленіе турокъ направлялось по лощинѣ, образуемой выгибомъ горы св. Николая. Лощина эта покрыта лѣсомъ почти до вершины гребня. Лучшіе таборы Сулеймана-паши неистово шли по ней вверхъ, не обращая вниманія на убійственный огонь стрѣлковъ.

— Покажите имъ скорѣе пушки, — приказалъ генераль Радецкій командиру горной батареи Орлову.

Несмотря на крутой откосъ, лошади мигомъ взвезли четырехъ-фунтовыя орудія, и черезъ минуты двѣ въ общемъ гвалтѣ и трескотнѣ атаки грянули ихъ мѣдныя жерла, бросивъ прямо въ лицо врагу свои картечныя гранаты. Первая проба оказалась удачна. Гранаты разорвало въ копошившейся по скату горы массѣ красныхъ фесокъ.

Картины, представившейся мнѣ отсюда, я никогда не забуду. Внизу правильныя

колонны турокъ, точно на маневрахъ развертывавшія строй, рядомъ выступъ горы зубцами и зигзагами, весь оцетинившійся ружьями. Особенно поразительна была одна скала. Она выдавалась вся въ бѣлесоватомъ сумракѣ тихаго вечера. Въ профиль это былъ отвѣсъ съ рубчикомъ площадки карниза. На ней по самому краю плашмя залегли стрѣлки. На свѣту такъ и видны были — этотъ выступъ утеса и рядъ ружей, выдвинутыхъ оттуда въ пространство... Подъ скалою туманъ, кругомъ все ушло во мглу, и только одна скала эта вырисовывается на сѣроватомъ фонѣ.

Стрѣльба глушила насъ... Вся гора одѣлась въ огневую кайму. Гремѣло вверху и внизу. Но атаки сбиты, и справа и слѣва на краю дороги уже работаютъ стрѣлки по отдѣльнымъ толпамъ, подступающимъ оттуда, чтобы раздѣлить наши силы. Сначала это былъ какой-то хаосъ, потомъ ухо пріучилось находить въ немъ нѣкоторую правильность. Грохотъ залпа разомъ, моментъ тишины, прерываемой только криками „Алла!“ внизу и затѣмъ огонь на выборъ, въ перемежку, а тамъ опять оглушительный залпъ... Я насчиталъ до пятнадцати залповъ, когда турки внизу дрогнули. Замѣтивъ это, наши стрѣлки кинулись изъ своихъ прикрытій и стали сбѣгать внизъ по скату прямо на озлобленнаго врага; еще одинъ могучій перекалъ „ура“, и все внизу смятое,

свалывшееся въ одну массу кинулось вспять... Турки бѣжали въ лѣса зеленыхъ горъ, обступившихъ лощину, почти въ каждомъ рву оставляя убитыхъ и раненыхъ.

Послѣ трехъ сутокъ непрерывнаго боя—шибкинскій отрядъ могъ, наконецъ, успокоиться. Выстрѣлы раздавались только изрѣдка, но это было почти мертвою тишиною послѣ недавней свалки. Горныя пушки оказались какъ нельзя кстати. Наши батареи до ихъ прибытія молчали потому, что разстрѣляли всѣ снаряды. Грохотъ четырехъ-фунтовыхъ орудій былъ для турокъ поэтому полною неожиданностью—и довершилъ дѣло, превосходно начатое стрѣлками...

По окончаніи боя, сверху, на горѣ св. Николая грянуло торжествующее „ура“, прокатилось по гребню внизъ и замерло въ лощинахъ отдаленнаго перевязочнаго пункта, чтобы начаться опять... Повторилось оно три раза, пока Радецкій не приказалъ замолчать...

— Зачѣмъ ихъ останавливать теперь?

— Солдаты въ эту минуту очень нервны. Если не дать успокоиться—они и ночью не найдутъ отдыха. Пригрезятся нѣкоторымъ турки—заорутъ во снѣ и всполошатъ всѣхъ на позиціяхъ.

Тотчасъ же всѣ подошли къ Радецкому съ поздравленіями. Радецкій—типъ боевого генерала. Строгая черта лица, въ нихъ выраженіе большой доброты, взглядъ будто вы-

сма­три­ва­ю­щій что-то вдали, нѣсколь­ко на­хму­рен­ныя сѣдья брови, пря­мая по­ста­нов­ка силь­на­го, на зло лѣтамъ, кор­пуса, крѣп­кая рука и крѣпкія но­ги. Къ сѣдлу онъ точно при­ра­ста­етъ, когда са­ди­т­ся на ло­ша­дь. Съ 12-го по 20-е онъ не вы­хо­дилъ изъ ог­ня, по­ка­зы­вая­сь вер­хомъ тамъ, гдѣ всѣ дру­гіе бла­го­ра­зум­но за­ле­га­ютъ за ло­же­мен­ты. 12-го ав­гу­ста, по­славъ въ ата­ку всѣ свои войска, Ра­дец­кій оста­лся при одной ротѣ. На­ко­нецъ, и она по­тре­бо­ва­лась. Ге­не­ралъ по­велъ ее самъ.

— Мнѣ не съ кѣмъ оста­вать­ся—пой­демъ вмѣстѣ, ребя­та.

Сол­да­ты ему от­вѣ­ти­ли та­кимъ за­ду­шев­нымъ „ура“, ка­кое рѣд­ко при­хо­дит­ся слы­шать на па­ра­дахъ.

Ра­дец­кій сла­ви­т­ся мяг­ко­стью и доб­ро­душ­і­емъ, ко­то­рымъ нѣсколь­ко про­ти­во­рѣ­читъ его на­ру­ж­ность. Онъ стра­стно лю­битъ сол­да­га и самъ без­за­вѣт­но лю­бимъ имъ.

Тот­часъ по окон­ча­ніи боя, ге­не­ралъ Ра­дец­кій от­пра­вил­ся на ре­ког­но­сци­ро­вку. Бы­ла уже ночь. Вер­ши­ны горъ смут­но пла­ва­ли въ ту­манѣ. Освѣ­щен­ный лу­ною путь, ло­жа­сь по греб­нямъ ка­приз­ны­ми из­ви­ва­ми, ка­зал­ся се­реб­ря­ною рѣ­кою... Толь­ко онъ и вы­дѣ­ля­лся от­чет­ли­во... Очень по­хо­же на ви­ды Да­ге­ста­на, хотя не такъ ве­ли­ча­во. Мы бы­стро ми­но­ва­ли часть до­ро­ги ме­жду пер­вой ба­та­ре­ей и по­во­ро­томъ на пер­вую лѣс­ную го­ру. Путь все по кар­ни­зу.

Справа откосъ горы, слѣва спускъ—отсюда нуть непріателемъ обстрѣливается прицѣльно, справа же въ него попадаютъ пули, пущенныя навѣсно. Шибкинскія высоты потому именно и томительны для отряда, что на нихъ не было и нѣтъ такого мѣста, куда, можно быть увѣреннымъ, не попадетъ пуля. Открытыя позиціи обстрѣливались и обстрѣливаются отовсюду. Куда нельзя попадать прицѣльно, туда турки при наравливались стрѣлять навѣсно. На перевязочномъ пунктѣ, находившемся между позиціями и большимъ госпиталемъ, было на примѣръ, нѣсколько человѣкъ убито и много ранено, именно пулями, падавшими сверху. Людей било такимъ образомъ въ ложементяхъ, въ траншеяхъ, за надежнымъ, повидимому, прикрытіемъ. Въ одной стрѣлковой ротѣ—выбыло 30 человѣкъ, во время отдыха, подъ прикрытіемъ вала! Генерала Дерожинскаго убило въ безопасномъ мѣстѣ, начальника штаба Дмитровскаго чуть не съ головою зарыло землей при разрывѣ гранаты въ ложементѣ; нѣсколько солдатъ пронизало на-повалъ, въ то время, когда они ночью спали, прижавшись къ откосу защищавшаго ихъ вала. Сверхъ того, турки опускали сверху на неприступныя позиціи хорошихъ стрѣлковъ, преимущественно черкесовъ, которымъ оставляли на нѣсколько дней воды и хлѣба. Шайка человѣкъ въ пять, сидя въ такомъ гнѣздѣ, куда снизу

по отвѣсу никакъ не добратся, пострѣли-вала себѣ съ утра до ночи, дѣлая нѣкото-рые пункты нашихъ позицій совершенно не-возможными. Точно также они забирались на деревья, ютились въ густолиственной чащѣ на вершинахъ. Нужно при этомъ замѣтить, что турки обладаютъ громаднымъ количе-ствомъ снарядовъ. Выбивая ихъ изъ ложе-ментовъ, наши находили тамъ цѣлые ящи-ки патроновъ. У каждого стрѣлка—ящикъ, хоть цѣлый день стрѣлай—хватить и еще останется. Они выпускаютъ милліоны снаря-довъ въ день, часто на удачу. Нѣкоторыхъ стрѣлковъ они ставятъ съ специальною цѣлью бить по офицерамъ, всадникамъ, по носилкамъ, по раненымъ. Преимущество оружія у нихъ такое, что въ то время, когда нашъ при-цѣль (ружье Кюрка) ограничено 600 шага-ми, непріятель изъ ружей Пибоди, Реминг-тона, Снайдера бьетъ на 3,000 (навѣсно) и на 2,000 шаговъ—прицѣльно. Я не говорю о магазинныхъ ружьяхъ, которыми у нихъ вооружены преимущественно черкесы.

Проѣзжая мимо войскъ, принимавшихъ участіе въ дѣлѣ, генераль Радецкій благо-дарилъ ихъ. Скоро мы вѣхали на мѣ-ловую площадку, по которой приходилось проскакать, потому что она преимуществен-но обстрѣливалась турками. Пули назой-ливо свистали въ ушахъ, отдаленныя или пролетавшія высоко жалобно стонали, близ-кія—разсѣвали воздухъ. Кому-то ранило

лошадь; конь взвился на дыбы, но, видимо, рана была не важная, оправился и пошелъ далѣе, фыркая и пугливо озираясь. За мѣловой площадкой — ложементы и батареи св. Николая. Поблагодаривъ Толстого и Липинскаго (котораго мнѣ такъ и не удалось разглядѣть во мракѣ), за стойкую защиту позицій, Радецкій отправился дальше, предостерегаемый на каждомъ шагу быть осторожнѣе, потому что тамъ, гдѣ кончались наши позиціи, гора минирована и всюду проложены проволки фугасовъ. Не знаю, какъ другіе, что же касается до меня, то я особенно зорко посматривалъ, чтобы неожиданно не совершить воздухоплаванія при обстоятельствахъ, ни мало не дѣлающихъ его пріятнымъ. Отсюда Радецкій послалъ батальонъ стрѣлковъ занять пригорокъ, поросшій лѣсомъ, за сѣдловиною, очень близкой къ св. Николаю и на одной высотѣ съ нимъ. Дѣло въ томъ, что мы его оставили до прибытія подкрѣпленій. Мы не имѣли возможности при малочисленности отряда и въ виду настойчивыхъ атакъ турокъ растянуть и безъ того слишкомъ длинную линію нашихъ позицій. Думали, что эта гора еще не захвачена турками. Батальонъ выстроился безшумно; черная масса его по командѣ тихо двинулась къ горѣ, за отрядомъ поѣхали и мы. Радецкій лично велъ стрѣлковъ... Молчаливая, пустынная тянется передъ нами высота... Казалось, на ней — никого; но

это до тѣхъ поръ, пока солдаты не подошли ближе. Только что начали взбираться, гора во тьмѣ точно вспыхнула огнями, выдавъ по выстрѣламъ положеніе турецкихъ траншей. Болѣе, чѣмъ въ ста мѣстахъ сверкнуло пламя выстрѣловъ, и опять сухое тресканье стало въ воздухѣ, сопровождаемое унылымъ посвистываніемъ пуль. Если хотите, очень красива была среди темной ночи эта черная масса, вся вспыхивавшая огнями. Наши сначала шли безъ выстрѣла—даромъ зарядовъ нельзя было тратить: подвозка—хуже чего нельзя быть, а съ собою мало. Нѣсколько часовъ продолжалась перестрѣлка, но въ эту ночь маленькій отрядикъ заночевалъ въ занятомъ лѣсу, чтобы продолжать наступленіе завтра, 12-го августа.

Тутъ мнѣ, между прочимъ, рассказали одинъ изъ эпизодовъ трехдневнаго боя. Кто-то изъ генераловъ вечеромъ, когда сумерки уже сгустились, подходитъ къ одному изъ опаснѣйшихъ пунктовъ на позиціи. Передъ нимъ оказался офицеръ съ окровавленнымъ лицомъ и раненой ногой. Онъ взялъ подъ козырекъ. Около лежало семнадцать солдатъ.

— Что это они у васъ спятъ?

— Да, ваше превосходительство, спятъ!— отвѣчалъ офицеръ.— Спятъ... и не проснутся: они убиты.

— А вы что же здѣсь дѣлаете?

— Ожидаю своей очереди... это была моя команда, — тихо отвѣчалъ офицеръ.

Я поѣхалъ назадъ на батарею, гдѣ условился провести ночь. По всему пути солдаты жались въ ложементы. Въ одномъ мѣстѣ, гдѣ стояли обозныя фуры, подъ ними лежали десятки отдыхавшихъ бойцовъ. Отсюда я поѣхалъ уже не прежней дорогой, а за валомъ вдоль лощины, гдѣ шло сегодня наступленіе. Вѣтерокъ дулъ оттуда, и, Боже ты мой! что за вонь доносилась изъ овраговъ и рвовъ. Гнили сотни труповъ, не убранные ни нами, ни турками. Намъ нельзя было спуститься для этого — сейчасъ же открывалась стрѣльба, турки же сами не дѣлали ничего.

Бой 12-го августа.

Только что мы заснули какъ слѣдуетъ подъ брустверомъ батареи, согрѣвшись подъ солдатскими шинелями съ убитыхъ, какъ на нашемъ правомъ флангѣ послышалась трескотня. Завязалось уже дѣло 12-го августа. Слева долетали до насъ отдѣльные выстрѣлы, справа — били залпами.

Разсвѣтало. На днѣ долинъ клубился туманъ, сѣрыя волны его наполняли ущелья. Деревушки направо не было замѣтно, только два или три домика, всползавшіе на высоту, показывали свои кровли, крытыя каменными плитами. На вершинахъ горъ уже

рдѣли солнечные лучи. Сегодня я хотѣлъ встрѣтить Драгомирова, который долженъ былъ прійти часамъ къ семи съ своимъ отрядомъ.

На перевязочномъ пунктѣ все еще спало. Доктора сильно утомились, проработавъ при красномъ отблескѣ факеловъ до трехъ часовъ ночи. Теперь они ютились подъ деревомъ, ни мало не защищавшимъ ихъ отъ солнца. Имъ жгло лица и груди, но они, видимо, не могли сладить съ истомой!.. Самые шатры для больныхъ стояли тутъ же у домика или, лучше, караулки, при началѣ нашихъ позицій. Оттуда слышались стоны и жалобы.

Св. Николай образуетъ три сѣдловины. За первую изъ нихъ къ сѣверу — временный перевязочный пунктъ, за вторую — на холмѣ постоянный перевязочный пунктъ, за третьей — большой госпиталь и обозы. Многіе раненые спали на открытомъ воздухѣ, солнце уже било имъ въ лица, но дѣваться некуда, шатры переполнены. Около свернулись санитары и цѣлая группа болгаръ, спасавшихъ вчера раненыхъ на мѣстѣ боя. Снизу по цѣлинѣ на гору тянулись свѣжія войска.

— Это какіе?

— Драгомировцы... житомирскій полкъ...
А вонъ тамъ подальше — подольцы.

Дѣйствительно, на отдаленной дорогѣ ползло и развертывалось что-то черное.

— Гдѣ же самъ Драгомировъ?

— Да онъ уже давно пріѣхалъ, вонъ на камнѣ.

Я направился къ нему. Гора, гдѣ расположились батальонами житомирцы, вся состояла изъ груды скалъ, наваленныхъ одна на другую. Солдаты стояли „вольно“, фронтомъ къ панорамѣ горъ, куда ихъ сейчасъ должны были повести. Впереди, сидѣлъ Драгомировъ и зорко, вдумчиво оглядывалъ окрестности, съ особеннымъ упорствомъ останавливая взгляды на крутой, проросшей лѣсомъ, горѣ, на которую, точно змѣи, всползали три или четыре пѣшеходныя тропинки. Драгомировъ усталъ отъ перехода—нѣсколько сгорбился, рука опустилась внизъ, изъ-подъ бѣлой фуражки съ назатыльникомъ привѣтливо смотритъ круглое лицо, мягкимъ чертамъ его придаютъ насмѣшливое выраженіе умные глаза, пристально оглядывающіе васъ. Изрѣдка по лицу генерала пробѣгаетъ грустное чувство, въ эти моменты онъ опускаетъ голову и, видимо, поддается тяжелому раздумью. „Вотъ и поправляй чужія ошибки, жертвуя тысячами своихъ солдатъ!“ какъ будто говоритъ взглядъ его, когда онъ останавливается на твердыняхъ, уже занятыхъ турками...

— Видите ли вы лѣсокъ?—подозвалъ онъ къ себѣ командира житомирскаго полка Тяжельникова.—Это ихъ лѣвый флангъ, указываетъ Драгомировъ на опушенную дубами и буками гору.— Возьмите третій батальонъ,

пусть онъ займетъ... Есть возможность итти цѣпью—идите цѣпью, а сзади пусть роты подпираютъ.

— Людямъ нужно воды, ваше превосходительство... Ихъ оживить это.

— Вѣрно! Переднимъ не увлекаться, заднимъ подпирать ихъ по мѣрѣ силъ и возможности, быть на хвостѣ у переднихъ...

Батальону принесли воды, солдаты стали наполнять жестянки и пить наскоро. На позиціяхъ недостатокъ воды полный. Вода стоитъ жизни, и усталые солдаты, дѣйствительно идутъ подъ пули добывать ее.

— Много не пейте тамъ... Берегите воду,—предупреждаетъ Драгомировъ.—Устанете—прополощите ротъ, освѣжитесь... Не тратьте воды даромъ.

Получено было свѣдѣніе, что слѣва пробираются баши-бузуки. Они ползаютъ по такимъ звѣринымъ тропамъ, гдѣ, кажется, человекъ и не устоять надъ кручей и на кручѣ. Имъ навстрѣчу должны ударить житомирцы и обойти турокъ съ фланга.

Батальонъ, который шелъ въ обходъ, дѣлился на три колонны. Онѣ могутъ итти или врозь, или одна за другой, смотря по условіямъ мѣстности. Житомирскій полкъ, къ которому принадлежали онѣ, болѣе всего потерпѣлъ во время предварительнаго перехода сюда. Въ теченіе трехъ дней отправлено въ госпиталь 27 человекъ, пораженныхъ солнечнымъ ударомъ, изъ нихъ

одинъ умеръ и пятеро — сомнительныхъ. Три дня было употреблено, чтобы сдѣлать походъ на Еленъ, вернуться и пройти на Шибкинскія высоты черезъ Тырново и Габрово. Въ послѣдній день, т.-е. вчера, полкъ сдѣлалъ шестьдесятъ верстъ. Въ 4 часа утра онъ вышелъ изъ Лесковицы, въ 6½—перешелъ Экстеру, въ 1½ пополудни уже миновалъ Габровское ущелье, близъ Дренова. Имѣли въ виду пообѣдать въ Дреновѣ—пришли, надо было идти сейчасъ же далѣе, вывернули котлы, многіе, ничего не поѣвъ, добрались до Габрова въ 7½ час. вечеромъ. Солдаты успѣвали—повара отставали, почему людямъ было выдано по куску сырого мяса, и они вечеромъ сами себѣ готовили пищу.

— Съ Богомъ, стрѣлки!—проводилъ первую колонну Драгомировъ.

— Покорно благодаримъ, в. п—ство!

— Поможете тѣмъ, которые уже четвертый день сражаются!—привѣтствуетъ ихъ Тяжелъниковъ.

— Постараемся в. в—діе!

— Ради Христа, братцы, не горячиться! — напутствуетъ Драгомировъ. — Чѣмъ спокойнѣе, тѣмъ лучше.

— Подойдете ближе, нечего стрѣлять, бей въ штыки, онъ этого терпѣть не любитъ...

— Съ Богомъ, третій батальонъ.

— Воды еще нѣтъ, в. п—ство!

— Ну, теперь ужъ нечего дѣлать. Въ до-

гонку пошлемъ... Теперь, братцы, некогда. Нужно своихъ выручать, четвертый день дерутся. — Въ голосъ его слышна особенная энергія, обаятельно дѣйствующая на солдатъ.

— Помогите имъ, братцы!..

— „Ур-ра!..“ двинулись было, но въ долину показались посланные съ водою... Напились и пошли...

— Предупредите солдатъ, — пояснилъ Драгомировъ, — чтобы они никакимъ слухамъ и вздорамъ вѣры не давали. Тому, кто возвращается съ боя, всегда, чортъ знаетъ что кажется.

Утро разгоралось. Подъ палящими уже лучами солнца, въ дымчатомъ маревѣ далей словно выдвигались валы и гребни горныхъ хребтовъ; лиловыми тѣнями залегли между ними сѣрыя ущелья.

Въ 9 часовъ утра получено было житомирцами приказаніе — двинуться остальнымъ двумъ батальонамъ прямо на позицію св. Николая, чтобы очистить мѣсто волынцамъ и минцамъ, шедшимъ сюда подъ начальствомъ князя Святополкъ-Мирскаго. Драгомировъ пропустилъ войска мимо себя, обращаясь къ каждому батальону:

— Помогай вамъ Боже, братцы!..

Все это время генералъ былъ очень не веселъ. Будь я суевѣренъ, я бы сослался на предчувствіе.

Дѣйствительно, не прошло двухъ часовъ, какъ Драгомировъ былъ раненъ. Онъ толь-

ко что вы́халъ на позиціи, сошелъ съ лошади, и хотѣлъ осмотрѣть ихъ. Ему въ это время предложили сѣсть. Онъ вдругъ опустился, проговоривъ: „готово!“ Всѣ думали, что Драгомировъ сѣлъ вслѣдствіе приглашенія. Не обратили вниманія на стонъ капитана генеральнаго штаба Мальцова, который упалъ рядомъ съ Драгомировымъ.

— Я, кажется, раненъ...—проговорилъ генералъ.

Оказалось, что пуля прошла навывлетъ подь правымъ колѣномъ его, не задѣвъ артерій, но перебила сухожилья; она же на излетѣ попала въ стоявшаго рядомъ Мальцова и засѣла у него въ кости бедра... Окружающіе растерялись. Рана Драгомирова въ такую минуту стоила потеряннаго сраженія; талантливыхъ людей мало, и Драгомировъ—одинъ изъ этихъ немногихъ. Случай этотъ на всѣхъ навелъ уныніе... Когда Драгомирова понесли на носилкахъ къ перевязочному пункту,—мимо шли житомирцы.

— Смотри, братцы, не гнуться передъ пулей, со всякимъ можетъ случиться—и убьютъ ничего! Кому суждено...

Солдаты было рванулись къ нему. Драгомировъ очень любимъ своею дивизією.

— Дратся и безъ меня молодцами!..

— За васъ вдвое! — слышалось изъ рядовъ.

На перевязочномъ пунктѣ первый вопросъ Драгомирова:

— Когда я могу сѣсть на коня?

— Не бойтесь... Будете здоровы.

— Да, чортъ возьми, кто тутъ боится!.. Буду здоровъ... Я хочу знать: могу ли я на дняхъ пойти въ дѣло?

Доктора молча переглянулись.

— Раньше шести недѣль нельзя будетъ вамъ встать... Рана очень серьезна (шепнулъ мнѣ на ухо осматривавшій раненаго).

Затѣмъ Драгомирова понесли на большой перевязочный пунктъ. Молча шли солдаты съ носилками, почтительно раздвигались передъ ними шедшія на Шибку войска. Драгомировъ привѣтливо здоровался съ ними. „Будьте здоровы“, слышалось повсюду имъ навстрѣчу. На открытыхъ площадкахъ турки открывали по немъ огонь. Пули свистали надъ самою головою раненаго. Пункты эти до того были опасны, что въ жиитомирскомъ полку, еще далеко отъ позицій уже пятеро выбыло изъ строя, подъ нѣсколькими офицерами были ранены лошади. Турецкіе стрѣлки стали доходить до невозвѣрной дерзости. Цѣлый таборъ залегъ на скалахъ противъ отряда графа Толстого, лицомъ къ лицу: одинъ арабъ оттуда кинулся на ближайшаго стрѣлка нашего, схватилъ его въ объятія и хотѣлъ было скатиться внизъ вмѣстѣ съ своей жертвой, но товарищи поспѣли изъ ложементовъ и убили араба прикладами. Болгары открывали

стрѣльбу, но отвратительныя шасспо *) послѣ двухъ-трехъ выстрѣловъ „отказывали“.

— Фу, ты, гадость!— крикнулъ одинъ изъ ополченцевъ, швырнулъ ружье о землю, отправился подъ огнемъ за брустверьъ, обстрѣливаемый отовсюду, сползъ внизъ, у одного изъ раненыхъ турокъ отнялъ Пибоди и сумку съ патронами и, вернувшись цѣлъ и невредимъ, сейчасъ же изъ вновь пріобрѣтенной скорострѣлки открылъ огонь по неприятелю.

Были и случаи комическіе. По обстрѣливаемой дорогѣ шелъ конюхъ. Турки стали по немъ бить чуть не залпами, всѣ остальные перебравшись согнувшись, конюхъ остановился во весь ростъ противъ неприятельскихъ позицій:

— Ишь дураки!— вдругъ начинаетъ онъ усовѣщевать ихъ, хотя они, разумѣется, не могли его слышать.— И чего вы стрѣляете, я вѣдь только што конюхъ, мнѣ и ружья не полагается, сволочь!

И, плюнувъ, отправился дальше.

Зачастую у солдатъ ружье такъ портилось, что и стрѣлять нельзя было. Такіе сами собирались отдѣльными командами, не уходили въ резервъ, а оставались на позиціяхъ.

— Чего вы тутъ? Вѣдь стрѣлять не можете.

*) Названіе ружей, которыми были снабжены болгары на первыхъ порахъ.

— Такъ точно... Для того мы и вмѣстѣ, чтобы работать штыками.

Съ одиннадцати часовъ утра дорога на св. Николай представляла уже очень оживленный видъ. Болѣе тысячи болгаръ изъ окрестныхъ жителей и изъ Габрова прибыли сюда. У каждаго мулъ или осель, у рѣдкихъ лошадей. На животномъ—два бочонка, у самого болгарина въ рукахъ два кувшина. Оказалось, что добрые люди явились развозить воду по позиціямъ. И нужно имъ отдать полную справедливость: съ 12 числа и до сихъ поръ они постоянно доставляютъ ее на отдаленнѣйшіе занятыя нами пункты, подъ огнемъ. Много лошадей у нихъ убито, нѣкоторые ранены сами, но это не охладило ихъ усердія. Я удивлялся: посредствомъ какого секрета они ухитряются постоянно довозить на позицію воду свѣжей и холодной. Нѣкоторые изъ нихъ смѣшивали воду съ виномъ. Солдаты ихъ душевно благодарили. Болгары въ это время явились нашими спасителями, потому что трудно было сказать, отъ чего мы больше страдали: отъ непріятельскихъ пуль, или отъ жажды. По всей дорогѣ растянулись эти добровольцы-водовозы въ два ряда. Одинъ мѣрно съ полнымъ грузомъ, позвякивая колокольчиками, навѣшанными на ослахъ, взбирается вверхъ, другой спускается къ ключамъ, чтобы налиться и сейчасъ же опять итти въ гору. Около каждаго солдата останавливается болгаринъ.

— Братушка, вода!..

— Дай, дай напиться, братушка... Спасибо тебѣ... И какая же у тебя вода холодная!

Все время пути болгаринъ слѣдитъ, чтобы у него кувшинъ не обсохъ, и такимъ образомъ сохраняетъ воду довольно холодной. Раненыхъ болгары поили и обмывали имъ раны, и, возвращаясь назадъ, везли ихъ на своихъ ослахъ. У кого изъ нихъ не было ословъ, тѣ сами на плечахъ тащили вверхъ бочонки съ водой. До чего въ этотъ палящій зной сильна была жажда, видно изъ того, что эта тысяча болгаръ по два, по три раза совершала восхождение на гору, слѣдовательно, войско вышло около 6,000 бочонковъ воды. Противъ траншей, гдѣ лежали наши, болгары останавливались съ водой очень спокойно, не обращая вниманія на то, что представляютъ прекрасную цѣль для непріятельскихъ стрѣлковъ.

— Ну, дай тебѣ Богъ, братушка!—слышалось изъ траншей.

— Отвель душу, вотъ тебѣ какое спасибо!.. Не хочешь ли хлѣба, на, пожуй!..

Съ того времени между болгарами и солдатами образовалось полное товарищество. Болгары спали въ траншеяхъ, въ ложементгахъ, у батарей, вмѣстѣ съ резервами на бивакахъ; ихъ солдаты очень уважали, кормили тѣмъ, что и сами ѣли. Нѣсколько болгарокъ-старухъ ухитрились взойти на гору

св. Николая слѣва. Другая масса болгаръ занималась не менѣе почтеннымъ дѣломъ. Она входила на горы, спускалась съ нихъ въ лощины, чуть не въ предѣлы непріятельскихъ позицій, чтобы вынести оттуда нашихъ раненыхъ. У кого есть арба, тотъ шелъ съ арбою и привозилъ двухъ-трехъ человѣкъ заразъ, у кого была лошадь, тотъ доставлялъ лошадь, у кого ничего не было, тѣ брали носилки и приносили солдатъ въ носилкахъ. Всю дорогу за ранеными ухаживали они, какъ няньки. Я особенно не могу забыть одного. Воинственное лицо, съ широко распущенными усами, такъ и смотритъ стариннымъ воеводою. У него на плечахъ—три ружья, у пояса нѣсколько сумокъ съ патронами, за поясомъ болѣе семи пистолетовъ и ятагановъ. На лошади везетъ раненаго, тщательно поддерживая его въ сѣдлѣ, чтобы не свалился. Оказалось, что этотъ болгаринъ отправился обирать оружіе съ убитыхъ турокъ, уже нагрузилъ имъ коня—вдругъ видитъ раненаго русскаго. Сейчасъ же взмогилъ все это на себя, а раненаго—въ сѣдло и довезъ за шесть верстъ до перевязочнаго пункта.

— Спасибо тебѣ, голубчикъ, помереть не далъ по-собачьи!—благодарить его солдатъ.

— Руссъ добре, добре солдатъ руссъ!

Потомъ въ розказніи пустился. Трехъ раненыхъ турокъ встрѣтилъ, а у него большой запасъ воды былъ съ собой. Поверты-

ваютъ они головы къ нему, почти уже въ агоніи воды просятъ.

— Что же ты напоилъ ихъ?

Посмотрѣли бы вы, какая ненависть сверкнула у него въ глазахъ.

— Что же ты сдѣлалъ?

Болгаринъ вынулъ ятаганъ и показалъ, какъ онъ каждому изъ нихъ перерѣзалъ горло. Даже врачи отшатнулись отъ него. А онъ совершенно спокоенъ, и даже торжествующее выраженіе въ лицѣ... А вѣдь тотъ же самый въ сущности злодѣй, таща на своей спинѣ грузъ — довезъ на лошади солдата, и всю дорогу возился съ нимъ, какъ нянька!..

Раненыхъ все таскали, и таскали къ полудню, по дорогѣ, уже тянулась непрерывная линия носилокъ. Легко раненые шли сами, хотя черезъ каждые двадцать шаговъ останавливались отдыхать. Всѣ они тащили за собой ружья. Даже тяжело раненые не разставались съ ними. Были и такіе, которые со всей своей амуницией ползли назадъ. Кто не могъ идти одинъ, но былъ настолько крѣпокъ, что не нуждался въ носилкахъ, тотъ опирался на болгарина и брелъ себѣ впередъ помаленьку. Между ранеными сегодня громадный процентъ офицеровъ.

Въ 11 часовъ утра было получено свѣдѣніе, что турки окопались повсюду; горная батарея оказалась безъ снарядовъ. Одного офицера командировали въ Габрово за ними, тѣмъ не менѣе положеніе таково, что

между Габровымъ и св. Николаемъ, на разстоянїи семнадцати верстъ, обозъ съ зарядами шелъ три дня! И это въ такую пору, когда безъ снарядовъ ничего не подѣлаешь, когда дорога именно каждая минута.

Особенно мало оказывалось картечныхъ гранатъ, то-есть именно тѣхъ, которыя всего нужнѣе были въ эти минуты.

— Возьмите у меня простыя гранаты, — приставалъ парковый офицеръ къ батарейному.

— Да на что онѣ намъ... Нужны картечныя...

— Ну, такъ ждите... Пока этихъ не возьмете, никакихъ не получите. Куда же и мнѣ ихъ дѣвать?

А между тѣмъ, когда у насъ истощились картечныя гранаты, турки, видимо, обзавелись ими: на позиціи подольскаго полка попало ихъ нѣсколько, двѣ или три гранаты разорвались у насъ на самой дорогѣ. За недостаткомъ снарядовъ въ ночь на 13-ое число горная батарея наша должна была сняться и утромъ отошла въ Габрово, а между тѣмъ она не мало наносила вреда неприятелю. Сегодня она выпустила только 12 картечныхъ гранатъ, и тѣ остановили турецкую кавалерію, уже собиравшуюся куда-то въ обходъ направо.

Результаты сегодняшняго дня уже сказались.

Вчера турки окружали насъ подковой,

теперь слѣва конецъ этой подковы мы оттиснули назадъ, и позиціи турокъ стали болѣе скромны—дугою. Гору, которую не удалось отбить стрѣлкамъ, сегодня наши взяли, и турки сгруппировались на слѣдующей, такъ называемой Лысой горѣ, гдѣ у нихъ поставлена и вооружена девяти-фунтовая батарея къ 12 часамъ сегодняшняго дня. Вообще у турокъ отличныя горныя орудія, и пристрѣливаются они прекрасно. Ихъ гранаты падали въ брустверъ нашихъ батарей и сегодня убили командира одной изъ нихъ, именно 5-й, полковника Бенецкаго. Во второй батарее 9-й бригады, стоявшей на св. Николаѣ, убито двое наводчиковъ,—должны были занять новыхъ у другихъ батарей. Впрочемъ, наши артиллеристы мало обращали вниманія на турецкій огонь. Одна, именно казачья горная батарея, съ пѣснями бросала въ неприятельскія колонны свои гранаты. Турки попробовали было зайти въ обходъ съ пѣхотой, но ихъ отбили съ громаднымъ урономъ, почти половина ихъ колоннъ осталась въ лѣсахъ и лощинахъ этого нагорья. Въ полдень ударили турокъ по ихъ лѣвому флангу, тогда какъ батальонъ, посланный ранѣе въ обходъ, наткнулся на такой же обходъ турокъ и прогналъ его. Характеръ нашей атаки былъ исключительный. Скажу два слова объ уже извѣстной атакѣ Радецкаго. Онъ самъ велъ войска противъ горы, на вершинѣ которой турки устроили

траншеи. Вчера ее не удалось взять стрѣлкамъ. Первая атака началась на нее въ 10 час. вечера. Во время луннаго затменія мы пріостановились и въ три часа утра возобновили атаку. Гора вся идетъ уступами. Со ступени на ступень турокъ нужно было выбивать штыками, такъ какъ по отношенію къ стрѣльбѣ всѣ преимущества были на ихъ сторонѣ. Турки бѣжали тогда, когда намъ удавалось подойти шаговъ на тридцать, предварительно потерявъ офицеровъ. Но бѣжали они до слѣдующаго завала, гдѣ залегали вновь. Случалась необходимость въ подкрѣпленіяхъ, тогда до ихъ прихода мы тоже залегали въ ложементы и перестрѣливались съ непріятелемъ. Такъ приходилось подвигаться шагъ за шагомъ, пока нашими къ 2 часамъ пополудни вершина эта не была очищена совсѣмъ отъ непріятели.

12-го августа, болѣе, чѣмъ когда-либо, раненныя и возвратившіяся съ боя части подтверждали слышанные мною наканунѣ рассказы о томъ, что въ рядахъ турецкой арміи постоянно звучитъ русскій языкъ. Какъ это ни дико, какъ это ни невѣроятно, но мнѣ и другимъ корреспондентамъ сдѣлано было болѣе сотни заявленій въ этомъ родѣ. Когда отрядъ неслышно подбирался къ непріятельскому ложементу, до него долетали русскія фразы, такъ что, видимо, и между собою у турокъ нѣкоторые изъ ихъ солдатъ говорили по-русски.

Разъ подь болгарской дружиною внизу шла какая-то черная колонна. Красныхъ фесокъ не было. Только что было пригото- вились встрѣтить ее залпомъ, какъ снизу долетаетъ голосъ:

— Эй, смотри въ оба, не стрѣлай по своимъ...

Болгарская дружина думаетъ и додумать- ся не можетъ. А снизу опять:

— На помочь идемъ, скажите, чтобы не стрѣляли. И другимъ пошлите дать знать.

Только что поровнялись внизу съ нашими позиціями, бывшими вверху, какъ-то чутка- го уха нѣкоторыхъ ополченцевъ дошелъ ту- рецкій говоръ; очнулись и встрѣтили не- друговъ такимъ огнемъ, что тѣ, я думаю, каялись въ успѣхѣ своей хитрости, успѣхѣ; позволившемъ нашимъ стрѣлять по нимъ чуть не въ упоръ.

А то еще: „братцы, брянцы, что же вы своихъ-то не признаете?“

Отряды, гдѣ слышится русскій языкъ, де- рутся особенно стойко. Говорятъ, что тамъ были татары и горцы, выросшіе въ Россіи.

— Это совсѣмъ не турки,—говорилъ офи- церъ, вернувшійся съ боя,—чортъ знаетъ что такое, и приемы иные, и характеръ другой.

Вечеромъ, когда все уже успокоилось и даже турки перестали обстрѣливать дорогу и только разсѣяннo рѣдкія пули посвисты- вали въ воздухъ, какому-то солдату жито-

мирскаго полка приснилась атака турокъ; со сна онъ крикнулъ „ура!“ И моментально весь отрядъ подхватилъ этотъ крикъ и кинулся за брустверь. Едва могли успокоить солдатъ — такъ разстроены у нихъ нервы и такъ чутки они стали ко всякой тревогѣ. Тревога не ограничилась этимъ — всѣ сорвались съ мѣста, дальніе думали, что атака идетъ дѣйствительно, части выстроились въ ряды и готовились уже ударить въ штыки по непріятелю. Во весь этотъ четвертый день турки наступленій не дѣлали, напротивъ, въ наступленіе перешли мы, турки только обороняли взятые ими позиціи. Потеря этого дня у насъ очень велика, до 700 человекъ выбыло изъ строя. Всѣ ротные командиры и нѣкоторые батальонные въ стрѣлковой бригадѣ перебиты; еще болѣе значительныя потери были у турокъ. Стрѣлки рассказывали, что они сами видѣли, какъ турецкіе командиры убиваютъ своихъ, когда тѣ опрокидываются въ бѣгство, а впередъ лѣзтъ — приходится прямо на штыки. Малочисленные отряды наши только и брали штыковымъ боемъ.

Бой 13-го августа.

День занялся знойный; чуть поднялось солнце — начало жечь невыносимо. Въ восемь часовъ утра скалы и утесы Шибкинскаго перевала накалили такъ, что на нихъ труд-

но было присѣсть, прислониться къ нимъ. Деревья неподвижно стояли надъ сонными ручьями, далеко внизу сбѣгавшими къ красивой и гремячей Янтрѣ. Сегодня съ утра началось наступательное движеніе нашихъ отрядцевъ. Предполагалось занять Лысую гору, на которой была поставлена и вооружена турками сильная батарея. 12-го числа (а по другимъ въ ночь на 12-е) мы овладѣли первой горой отъ св. Николая, вторая еще не была въ нашихъ рукахъ, но полагали, что взять ее вовсе не трудно.

Если смотрѣть отъ перевязочнаго пункта, на голубомъ фонѣ безоблачнаго неба видны только вершины св. Николая и первой занятой нами горы къ западу. Остальные, гдѣ продолжался бой 12-го числа, прячутся за гребнемъ, который идетъ къ сѣверо-западу. Гребень этотъ весь покрытъ роскошными дубовыми и буковыми лѣсами, не слышавшими цѣлыя столѣтія звука топора и голоса человѣческаго. Теперь, несмотря на то, что горы эти считались въ предѣлахъ, занятыхъ нами, туда постоянно забирались немногочисленные шайки черкесовъ и баши-бузуковъ, открывавшихъ огонь по всадникамъ и офицерамъ на шоссе св. Николая. Горы, гдѣ былъ бой, которыя прячутся за этимъ гребнемъ, можно видѣть съ Зелена-Древа и со св. Николая только отчасти. Я ѣздилъ туда, но дѣло было столь жаркое, что въ тотъ разъ плохо наблюдалась

мѣстность, и вовсе не оставались въ памяти очертанія. Только черезъ нѣсколько дней мнѣ удалось осмотрѣть ихъ во всѣхъ подробностяхъ. Горы тянутся къ западу, вторая изъ нихъ (считая первую занятую нами 12-го августа) соединяется съ остальными узкимъ гребнемъ съ лощинами по обѣимъ сторонамъ его. Гребень этотъ былъ перерѣзанъ ложементами, образовавшими дугу. Они съ фронта и съ фланговъ защищали вершину горъ и позиціи турокъ. У нихъ не было ложементовъ лишь на сѣверномъ и южномъ скатѣ этой горы, которые, по крайней ихъ крутости, и безъ того оказывались недоступными для нападенія; только зигзагами по одному изъ нихъ, именно южному, удалось кое-какъ вползти подольцамъ. Передъ турецкими рвами, тоже въ наскоро сдѣланныхъ рвахъ, фронтъ противъ фронта. провели ночь передъ первой горой житомирцы и брянцы, едва ли не въ количествѣ только двухъ батальоновъ. На вершинѣ второй, защищенной турецкими траншеями, горы былъ редутъ. Сверхъ того, вся гора была укрѣплена турками превосходно. Кромѣ правильныхъ траншей, всюду они нарубили громадныя деревья, устроили за ними завалы, изъ массъ валявшихся здѣсь обломковъ скалъ нагромодили цѣлые гребни для своихъ стрѣлковъ и, сверхъ того, наверху, не на самой площадкѣ вершины, а на скатѣ (чтобы туда не попадали наши гра-

наты) построили редуть-укрѣпленіе, о которомъ я только что упоминалъ. Если хотите, это вовсе неправильный редуть. Они окопались въ немъ сверху, а на крутыхъ скатахъ установили патронные и снарядные ящики, такъ что добраться до людей, сидѣвшихъ за этими загражденіями, было въ высшей степени трудно. Всю гору вообще укрѣпили такъ, что однимъ натискомъ, одной атакой здѣсь бы ничего не сдѣлали, ее нужно было брать шагъ за шагомъ и на каждомъ шагу выбивать турокъ штыками изъ - за ихъ рвовъ. За эту вторую горой шелъ сначала полого опускавшійся внизъ и потомъ сразу круто возносившійся скатъ къ третьей горѣ, на которой тоже, въ сторонѣ ближе къ южному скату, турки построили сильную батарею. Эта именно гора и называется Лысою. Батарея была построена тамъ съ расчетомъ, чтобы нашъ артиллерійскій огонь наносилъ ей возможно менѣе вреда. Вообще въ постройкѣ редута на второй и батареи на Лысой горѣ турки обнаружили высокое искусство принаравливать къ мѣстности. Отъ этой батареи на югъ къ турецкимъ лагерямъ идетъ узкій хребетъ съ крутыми и отвѣсными скатами. По этому гребню турки шли сюда на первыя занятія ими горы, по немъ же они ввозили свои орудія. Обрывъ горы на сѣверъ — ужасно крутъ. Лощины между этими хребтами всѣ вообще покры-

ты лѣсами, одна гуще другой. Тамъ, гдѣ лѣсъ рѣже, вся мѣстность изборождена кремнистыми скалами и камнями, наваленными въ хаотическомъ безпорядкѣ. На вершинѣ Лысой горы, въ сторонѣ отъ батареи, поставлены траншеи и ложементы, черные валы ихъ видны издали, на пространствѣ, свободномъ отъ лѣса, на лысинѣ, давшей названіе горѣ.

Всѣ три горы образуютъ не фронтъ, а дугу, одинъ конецъ которой упирается въ св. Николай, а другой идетъ къ юго-западу, такъ что Зелено-Древо отъ него лежитъ къ сѣверо-западу и совершенно въ сторонѣ.

Въ половинѣ седьмого грянулъ первый нашъ выстрѣлъ по редуту второй горы, съ батареи, вчера сооруженной, близъ перевязочнаго пункта. Выстрѣлъ этотъ живо былъ подхваченъ горными склонами. Изъ ущелья въ ущелье прокатился по турецкимъ позиціямъ, гдѣ разомъ всполошилось все, и тотчасъ же слышались сигнальные рожки тревоги. Выстрѣлъ сдѣланъ изъ девятифунтового орудія, при чемъ мѣсто, гдѣ стояла наша новая батарея, оказалось плохо выбраннымъ и во всякомъ случаѣ ничѣмъ не защищеннымъ. Мы не предполагали, что у турокъ налѣво есть тоже батарея на высотахъ, которыми командуетъ Малый Бедекъ. Отсутствіе кавалеріи въ отрядѣ не позволяло дѣлать рекогносцировки. И безпечность наша была такова, что на сообщенія

о строящихся турками батареяхъ мы только съ пренебреженіемъ улыбались. Нѣтъ ничего удивительнаго, что оттуда начали обстрѣливать нашу батарею. Нѣсколько часовъ спустя, наши орудія отсюда были сняты и передвинуты на боковую возвышенность, откуда уже артиллеристы начали съ бѣльшимъ успѣхомъ громить непріятельскія позиціи. Черезъ минутъ десять завязался бой въ лощинѣ между первою и второю горой. Начали брянцы и житомирцы атаку противъ турокъ, засѣвшихъ въ ложементы, въ то самое время, какъ подольцы съ юга обходили ихъ позиціи, чтобы неожиданно ударить на турокъ по ихъ правому флангу. Перестрѣлка была очень продолжительна, залпъ неотступно, почти безъ промежутковъ, слѣдовалъ за залпомъ, въ пережку раздавалась трескотня отдѣльных выстрѣловъ изъ цѣпи и изъ турецкихъ секретовъ. Непріятель пользовался всякимъ мѣстечкомъ, даже позади отбитыхъ нами позицій: въ тылу у насъ онъ умѣлъ прятаться въ кустахъ и камняхъ, такъ что одновременно билъ насъ и спереди, и сзади. Этимъ, между прочимъ, объясняется обиліе ранъ въ спину, хотя отступленія у насъ не было. Прячась или, лучше сказать, оставаясь въ тылу у насъ, турки тревожили и фланги тоже изъ подобныхъ же секретовъ. Намъ одновременно такимъ образомъ приходилось и наступать впередъ, и защи-

щать свой тылъ. Резервы ничего не значили; во-первыхъ, потому, что часто ихъ вовсе и не было, а иногда непріятельскіе секреты гнѣздились между атакующею частью и ея резервомъ въ интервалѣ. Мнѣ рассказывали, что издали постоянно слышались сквозь громкую трескотню выстрѣловъ отголоски „ура“, въ самой же кипени они казались не такъ часты. Тѣмъ не менѣе мнѣ приходилось наблюдать, что изъ каждаго ложемента иначе нельзя было выбить турокъ, какъ крикомъ „ура“ и наступленіемъ въ штыки. Отъ нашихъ выстрѣловъ турки были хорошо защищены окопами. Турки допускали насъ на тридцать шаговъ, давали залпъ почти въ упоръ и моментально перебѣгали на другое мѣсто, оставивъ ровъ въ нашихъ рукахъ. Самые крики „ура“ были очень характеристичны; даже въ сторонѣ можно было различить крикъ, когда люди стремглавъ шли въ атаку, и крикъ, которымъ дрогнувшая часть ободряетъ себя и при томъ топчется на мѣстѣ. По одному звуку того и другого можно было сразу опредѣлить, перейдетъ ли отрядъ въ наступленіе, или заляжетъ во рвы и начнетъ бесполезную стрѣльбу. Нужно еще отмѣтить одно: очень печально, что солдаты питаютъ такое пристрастіе къ перестрѣлкѣ въ закрытіяхъ. Начались залпы и стрѣльба—пиши пропало; рѣшительной атаки не будетъ. Они хороши на оборонительныхъ позиціяхъ. При наступленіи луч-

ше всего работает штыкъ, а часть, занявшаяся перестрѣлкой, не слышитъ или, лучше сказать, разгоряченная ею, не хочетъ слышать команды и впередъ не пойдеть. Она уже является такимъ образомъ разстроенной. Тѣмъ болѣе, что стрѣльба эта—куда попало, только передъ собою; солдаты заботятся лишь о томъ, чтобы побольше стрѣлять и погромче стрѣлять, а попадаютъ пули или нѣтъ—не ихъ дѣло. Солдаты въ теченіе цѣлаго часа шагъ за шагомъ брали турецкія позиціи, взбираясь на высоты. Остававшихся въ ложементяхъ и увлеченныхъ горячкой перестрѣлки товарищей можно было выводить въ атаку, когда являлись новыя части и шли впередъ, оставляя упоенныхъ стрѣлковъ позади, въ тылу у себя. Только, понявъ, что по своимъ стрѣлять нечего, солдаты оставляли ложементъ и примыкали къ атакующимъ, хотя и не очень охотно, солдатъ, разъ отставшій, слѣдовательно, поддавшійся страху, уже неохотно идетъ впередъ. Каждое дерево по пути, каждый оврагъ, каждая лощина являются для него соблазномъ. Вообще во всемъ этомъ никакіе приказы не помогаютъ дѣлу. Что-то стихійное, самодѣлающееся, и весь смыслъ начальника только въ томъ, чтобы во-время поддать жару на каменку, то-есть пустить въ дѣло новую свѣжую часть. Отдѣльные офицеры, разумѣется, вліяютъ. Они идутъ впередъ шаговъ на ^нпятнадцать, на двадцать, за ни-

ми идетъ двадцать-тридцать смѣльчаковъ, а остальная масса — ползетъ еще далѣе и въ разсыпную. Никакой правильности, никакого строя, кто во что гораздъ... Разумѣется, это всего чаще въ такихъ дѣлахъ, какъ 13-го августа — въ лѣсистыхъ и закрытыхъ мѣстностяхъ; на равнинѣ солдаты идутъ правильными колоннами.

Но вообще — не поидетъ офицеръ впередъ — и часть останется на мѣстѣ, несмотря на команду. Иногда такое наступленіе носить особенно порывистый, неровный характеръ. Выбѣжитъ офицеръ: „впередъ, братцы!“ За нимъ пробѣгутъ солдаты шаговъ двадцать-тридцать, и опять ему приходится выбѣгать, и опять они нагоняютъ командира. Перестрѣляютъ офицеровъ — въ средѣ солдатъ нерѣшительность, суетливость, родъ паники, а зачастую и безпорядочное бѣгство. Иди впередъ полковой командиръ, или всѣмъ извѣстный генералъ — дѣло другого рода: за нимъ стройно двигается вся часть; но старшіе офицеры не столь охотно жертвуютъ собою. Оно и понятно — отцы семействъ! У каждаго невольно является мысль: а что-то будетъ дома!

Въ моменты болѣе сильнаго сопротивленія турокъ — горы буквально гремѣли, грохотъ залповъ отдавался по ущельямъ во всѣ стороны. Это значило, что атакующіе занимались перестрѣлкой. Тогда приходилось вводить новую часть — и какъ только раздава-

лось „ура“ и атака шла какъ слѣдуетъ, бой казался болѣе тихимъ, не было этихъ оглушительныхъ, себя ободряющихъ и никому нестрашныхъ залповъ. Чѣмъ бой горячѣе, тѣмъ онъ собственно менѣе громокъ и обратно. Когда сопротивленіе турокъ ослабѣвало, когда, оставляя одни завалы, они перебирались въ слѣдующіе, мы только преслѣдовали ихъ выстрѣлами на выборъ, на огульную трескотню выстрѣловъ не тратили. Наши орудія въ это время тоже не молчали, часто гранаты рвались въ самыхъ турецкихъ траншеяхъ, и даже въ тѣхъ случаяхъ, когда онѣ падали въ сторонѣ, нравственное вліяніе ихъ на врага было весьма ощутительно. Въ этотъ день орловскій полкъ и болгарскія дружины, сильно истощенныя трехдневнымъ боемъ 9-го, 10-го и 11-го августа, въ дѣлѣ не участвовали, ополченіе даже отправили на отдыхъ въ Габрово. Въ семь часовъ утра зато на подкрѣпленіе нашимъ стрѣлкамъ и другимъ частямъ пошли воынцы, которые, впрочемъ, на занятіе второй горы съ редутомъ не успѣли: имъ пришлось уже потомъ участвовать въ атакѣ на Лысую гору... Въ восемь часовъ надъ вершинами горъ и турецкими ложементами стали рваться шрапнели, брошенныя нашими батареями, именно круглою и стальною. Наясномъ голубомъ небѣто-и-дѣло всыхивали серебряныя облачка разрывавшихся въ воздухѣ гранатъ. Постоить, постоить такой

пронизанный солнечными лучами дымомъ и разсѣется, чтобы сейчасъ же около вспыхнуло другое такое же облачко. Къ восьми часамъ разсѣянные выстрѣлы участились, перешли въ ряды непрерывныхъ залповъ, потомъ такъ же мирно стихли, но на этотъ разъ грохотъ боя не служилъ признакомъ его ослабленія. Дѣло въ томъ, что подольцы, обошедшіе турокъ съ праваго фланга, ударили на нихъ совершенно неожиданно со стороны редута. Непріятель стянулся туда изъ своихъ ложементовъ, и бой уже закипѣлъ на вершинѣ второй горы. Тутъ не могла дѣйствовать наша артиллерія, иначе ей пришлось бы громить своихъ.

Около половины девятого и атакующіе, и атакуемые пріостановились. Послѣ нѣсколькихъ минутъ тишины, злобѣщей и тяжелой, тишины, оковывавшей душу ужасомъ тревожнаго ожиданія чего-то еще болѣе страшнаго, тишины, когда между солдатами не раздается ни одного слова, когда всѣ сосредоточены, груди дышатъ съ трудомъ, воспаленные взгляды опускаются и руки не опускаютъ ружья, держа его наготовѣ, — грянула новая перестрѣлка, къ которой присоединились глухіе удары какой-то батареи издали. „Наши?“ — „Нѣтъ, не наши!“ слышалось въ рядахъ. Откуда бы быть имъ? Оказалось, что турки стали обстрѣливать русскія позиціи съ батарей, о которыхъ я говорилъ выше, т.-е. появивших-

ся неожиданно въ сторонѣ Бедева, налѣво отъ св. Николая. Выстрѣлы турецкихъ орудій слѣва подали сигналъ къ общему дѣйствию нашихъ батарей, такъ что одновременно, съ грохотомъ и трескотней перестрѣлки въ лѣсахъ, покрывающихъ скаты и лощины второй горы, слился грозный ревъ пушекъ, потрясавшихъ воздухъ на громадное пространство кругомъ. Лежавшіе въ траншеяхъ солдаты отлично различали глухіе выстрѣлы отдаленныхъ турецкихъ орудій отъ сильнаго и рѣзкаго грома нашихъ.

На всѣхъ окрестныхъ высотахъ собрались тысячи болгаръ. Нужно было видѣть томленіе на ихъ лицахъ, радость смѣнявшуюся отчаяніемъ, когда наши, по ихъ догадкамъ, отступали, и отчаяніе, исчезавшее при малѣйшей надеждѣ, когда до нихъ долетали отголоски торжествующаго „ура“, чтобы понять, какъ много пережили въ эти минуты они—несчастливые изгнанники изъ своего царства розъ, эти уцѣлѣвшіе отъ страшной рѣзни въ благословенныхъ небомъ долинахъ Марицы и Тунджи. Нужно еще отмѣтить одно—удивительную чуткость солдатъ на тревожные слухи.

— Нашихъ—побили!—облетаетъ ихъ печальная вѣсть, когда смолкаетъ перестрѣлка. На позиціяхъ бойцы становятся сумрачны и печальны.

— Отъ житомирцевъ ничего не осталось!—

вдругъ слагается неизвѣстно откуда вырвавшійся слухъ.

Главными распространителями такихъ тревожныхъ извѣстій являются, разумѣется, раненые: имъ большею частью кажется все потеряннымъ. Мрачно идутъ они назадъ, съя кругомъ зловѣщіе слухи. Вѣрить раненымъ—все потеряно, и даже надежды на спасеніе нѣтъ.

— Ну что наши?—спрашивали ихъ послѣ занятія нами второй горы и турецкаго редута.

— Ой плохо!

— Бьютъ?

— Страсть... Турки все заполонили. .
Бѣда...

Все это, перемежающееся со стономъ раненаго, удивительно дѣйствуетъ на напряженные и безъ того нервы солдата. А тутъ еще передъ ними окровавленные, обезображенные лица, а тамъ цѣлые ряды носилокъ, гдѣ ужъ не говорятъ, а только какъ-то всхлипываютъ несчастныя жертвы войны. Отчасти чуткость солдатъ къ тревожнымъ и печальнымъ вѣстямъ объясняется особенностью нашего христолюбиваго воинства. Нашъ солдатъ—прежде всего не хвастунъ и не задира. Онъ не вѣритъ въ слабость непріятеля и не самообольщается собственной своей силой. Онъ чрезвычайно скромень. Спросите его: „Выбьютъ наши, возьмутъ позиціи?“ Онъ вдумчиво посмотритъ на васъ

и отмахнется: „Гдѣ выбить?.. Богъ знаетъ!.. Больно ужъ у него силы много...“ Онъ не боится, но и собственныхъ силъ не преувеличиваетъ.

Отрядъ въ числѣ тридцати человѣкъ нашихъ отсталъ, его охватили сплошнымъ кругомъ черкесы. Мы могли только смотрѣть изъ ложементовъ, но помощи подать нельзя было, потому что ихъ „силища“. Варвары схватили офицера, вывели его впередъ, вырвали у него саблю, сломали о его голову и двумя обломками клинка изрѣзали несчастному лицо и грудь, потомъ отрубили ему уши и носъ и, насладившись мученіемъ жертвы, обезглавили его. Изъ толпы остальныхъ двадцати девяти человѣкъ раздавались стоны и вопли: „спасите, не погубите, братцы!“ но въ виду страшной силы непріятели наши не могли оставить ложементовъ. Съ каждымъ изъ захваченныхъ турки продѣлали то же самое, что и съ Брянцевымъ! Такъ звали этого несчастнаго.

Саперные солдаты болѣе спокойно къ этому относятся, но и они озлобились, когда на ихъ глазахъ черкесы подобрались къ самымъ нашимъ позиціямъ шаговъ за сорокъ, засѣли за скалы и въ самое непродолжительное время перебили на выборъ 80 человѣкъ нашихъ, въ томъ числѣ нѣсколькихъ саперовъ. Выбить оттуда этихъ стрѣлковъ нельзя было—они были на такъ называемомъ мертвомъ пространствѣ. Тотъ

часть, какъ они ушли, скалы взорвали динамитомъ, и уже изъ египетскаго табора, пошедшаго сюда въ атаку изъ 700 человекъ вернулось домой только 200!..

Послѣ удара волынцевъ въ правый бокъ непріятеля, опиравшійся на редутъ, вторая гора могла уже считаться нашей. Еще черезъ полчаса турки, дѣйствительно, отступили, и наши засѣли въ редутъ на отдыхъ. На другой день, вернувшись съ однимъ изъ отрядовъ, я сталъ спрашивать раненыхъ. Видимо, у каждаго въ памяти запечатлѣлся именно тотъ моментъ, когда онъ былъ раненъ, съ малѣйшими его подробностями, такъ что, если бъ свести въ одно всё показанія, то продолжительность битвы должна бы быть растянута на нѣсколько дней. При этомъ каждый вѣрилъ безусловно своему субъективному впечатлѣнію. Мы уже взяли гору. А нѣкоторые изъ нихъ все еще думали, что мы отступаемъ.

— Да вѣдь ты же раненъ не во время отступленія, вѣдь не бѣжали же вы?

— И побѣжали бы, да некуда. Сюда яръ, туда яръ, а сзади стѣна. Ну, прислонились и отбивались.

— Что, мало штыками работали сегодня?

— Въ штыки трудно, когда врагъ по всему лѣсу дерева порубилъ да повалилъ ихъ вездѣ кучками. Не пройдешь на „ура“-то!..

Нѣкоторые изъ солдатъ дѣлали чудеса храбрости. Наши лежатъ, напрімѣръ, въ

ложементѣ, черезъ тридцать шаговъ ложементъ турокъ.

Подходитъ вольноопредѣляющійся.

— Ну, какъ дѣла?

— Не знаемъ. Ложись, не то убьютъ.

— Богъ не выдастъ, свинья не съѣстъ.

И становится на ложементъ и указываетъ своимъ, куда стрѣлять. Турки бьютъ по немъ залпами—и, по какому-то чуду, ни одной раны. Выходка, разумѣется, но она сильно вліяетъ на солдатъ, которые, очнувшись отъ тяжелаго впечатлѣнія предшествовавшихъ минутъ, бросились въ штыки и выбили не-пріятеля изъ-за его завала. А то вотъ тоже въ 16-мъ стрѣлковомъ батальонѣ вольноопредѣляющійся сталъ на край ложемента во весь ростъ передъ турками и давай наблюдать за ними. Только что тѣ подымутся изъ-за своихъ заваловъ, онъ сообщитъ солдатамъ, эти по нимъ залпами валяютъ и выбиваютъ такимъ образомъ вонъ.

Особенно много героевъ между солдатами.

Докторъ, на примѣръ, встрѣчаетъ раненаго, скверно перевязаннаго и идущаго обратно въ бой.

— Ты куда?

— Въ строй!

— Кто тебя перевязывалъ?

— Самъ перевязалъ,—крайне грубо отвѣчаетъ солдатъ, даже не оглядываясь.

— Иди, ляжь и отдохни. Кстати перевяжемъ, какъ слѣдуетъ.

— Поди-ка лучше укладывай—вонъ тамъ офицеръ лежитъ... А я и безъ тебя обойдусь. И опять отправился въ ложементы.

Фельдшеръ перевязываетъ раны въ самой цѣпи, обращая на турецкія пули столько же вниманія, сколько на щепки дерева, падавшія на него отъ удара „шалльных“ пуль. Какой-то санитаръ, въ лѣсу, страшно обстрѣливавшемся турками, устроилъ перевязочный пунктъ и оттуда уже направлялъ раненыхъ на настоящій. Болгары-санитары кидались въ самую свалку, чтобы выхватить оттуда раненаго, а другіе болгары-крестьяне вздумали на глазахъ у турокъ хоронить убитыхъ и поплатились за это четырьмя человѣками изъ своихъ. Прибавьте, что наши солдаты и санитары на боевыхъ позиціяхъ второй день ничего не ѣли: отрядъ, взявшій вторую гору, весь день не имѣлъ капли воды и отъ жажды страдалъ едва ли не болѣе, чѣмъ отъ непріятельскихъ пуль. Языки во рту какъ тряпки болтались, въ глоткѣ точно перегорѣло все, у офицеровъ тоже ничего не было, такъ что, когда взяли турецкій редутъ, сейчасъ же бросились на оставленные тамъ турками галеты (сухари бѣлые) и давай жевать ихъ. Съ убитыхъ турокъ тоже прежде всего обирали галеты и воду, и съ жадностью выпивали ее. Болгары доносили воду только на первую гору, на вторую всходить имъ невозможно было съ своими ослами: во-первыхъ, круто, а

во-вторыхъ, они мѣшали бы движеніямъ войскъ, не говоря уже о томъ, что ихъ всѣхъ перестрѣляли бы турки на выборъ. Только мародеры изъ болгаръ пробирались въ лоцины, гдѣ съ раненыхъ и убитыхъ турокъ снимали оружіе и ящики съ патронами. Ходили они туда массаами и добывали сотни ружей Пибоди. Они приносили намъ пользу только въ одномъ отношеніи, именно: встрѣчая нашего раненаго, подбирали его, тащили на рукахъ или, если съ ними были лошади, довозили его съ собой до перевязочнаго пункта.

Вотъ еще примѣръ героизма солдатъ. Стоявшаго впереди офицера турки ранили, онъ упалъ. Редифы бросились, чтобы схватить его и натѣшиться надъ несчастнымъ. Наши, несмотря на свою малочисленность, окружили его стѣною, и 8 человекъ при этомъ еще было убито!

— Уходите, братцы!—кричалъ имъ раненый офицеръ.—Оставьте меня. Я вамъ приказываю, какъ начальникъ.

— Ладно, послѣ поговоришь!—отвѣчали ему честные люди и до конца отстояли бѣднягу.

— Виноваты, ваше благородіе!—оправдывались они потомъ.

— Въ чемъ это, друзья?

— Да не послушали васъ!

Немного спустя послѣ занятія нами второй горы, отрядамъ, уже утомленнымъ перво-

начальнымъ боемъ, нужно было итти въ атаку на Лысую. Между нею и второю — лощины, покрытыя лѣсомъ, ихъ соединяетъ гребень, который круто опускается отъ Лысой горы и полого возвышается до занятой нами вершины. Одновременно съ тѣмъ, какъ маленькіе отряды наши стали подходить къ Лысой, по дорогѣ, вьющейся на нее съ юга, тоже вдоль гребня показались турецкія войска, шедшія на подкрѣпленіе своихъ. Сверхъ того, со второй горы сюда отступили, хотя и разстроенныя, части непріятеля, занимавшія тамъ редутъ и траншеи. Съ фронта нашего и съ нашего лѣваго фланга мы подходили сюда цѣпями, а справа шли воынцы прямо на непріятельскіе ложементы. Сверхъ того, съ тылу у турокъ нѣсколько полѣвѣе, на отдаленной вершинѣ, стояли житомирцы, которыхъ еще вчера послалъ генералъ Драгомировъ въ обходъ. Такимъ образомъ наши малочисленные отряды окружили Лысую гору подковой, оставивъ свободною только сторону, прилегавшую къ батарее ихъ или дорогѣ, вьющейся въ турецкій лагерь. Какъ и другія только что оставленные ими, гора Лысая была также укрѣплена завалами, траншеями вверху и внизу. Деревья, наваленныя здѣсь, были отовсюду осыпаны землею, точно ее нанесло водополе. Нѣкоторые изъ атаковавшихъ отрядовъ наткнулись тутъ же на отвратительнѣйшее зрѣлище, какое только можно себѣ пред-

ставить во время войны. Турки сидѣли за валами, составленными изъ ихъ же мертвыхъ товарищей, уже разлагавшихся. Между этими трупами были заложены и только что раненые, въ одно и то же время турокъ обдавало вонью и они слышали изъ этой гнѣющей массы раздирающіе душу стоны. Нѣкоторыя мѣста этого единственнаго въ мірѣ бруствера были засыпаны землею, которая вся была насквозь пропитана гнилью*)... Впечатлѣніе было до того ужасно, что наши солдаты чуть было не отступили, а туркамъ — ничего, сидятъ себѣ да посматриваютъ изъ-за этого завала. Я было сначала не повѣрилъ этому разсказу, ужъ слишкомъ чудовищенъ казался. Но потомъ самому привелось видѣть. 14-го и 15-го числа вернувшіеся солдаты разныхъ частей разсказывали, что они то же самое встрѣчали въ лощинахъ и на скатахъ другихъ горъ.

Перестрѣлка на скатахъ Лысой горы то разгоралась, то потухала, — даже съ нѣкоторою правильностью, точно морскіе валы, то вздымающіеся, то падающіе... Относительно этого наступленія на Лысую гору я долженъ сказать, что видѣлъ колонны, прекрасно, правильнымъ строемъ входившія на гору и, точно снѣгъ на солнцѣ, таявшія по мѣрѣ достиженія вершинъ. Не нужно за-

*) Впослѣдствіи подъ Плевной 30-го августа и намъ пришлось сдѣлать то же, чтобы защищаться отъ турецкаго огня.

бывать, что неуспѣхъ нападенія въ данномъ случаѣ объясняется также крайнею усталостью нашихъ отрядовъ. Солдаты не изъ жѣла въѣдь... При томъ же нельзя не признать, что отбиваться изъ-за земляныхъ валовъ легко, а нападать въ высшей степени трудно. Къ туркамъ же въ это время шли все свѣжія войска. Разстроится у нихъ какая-нибудь часть, раздается сигналъ, на мѣсто является новая цѣпь и съ новыми силами бросается въ бой. Такимъ образомъ въ теченіе одного часа турки перемѣнили четыре цѣпи, тогда какъ у насъ дѣйствовали все одни и тѣ же отряды и при томъ въ одиночку. Бой на Шибкѣ сегодня, какъ и всѣ предшествовавшіе дни, доказывалъ крайнюю необходимость увеличить количество нашихъ стрѣлковыхъ батальоновъ, которые дѣлаютъ здѣсь чудеса. Имъ защита шибкинскихъ высотъ обязана очень многимъ. Турки готовились отойти и боялись нашего наступленія — это видно было изъ того, что уже вчера лагеря не было замѣтно между Казанлыкомъ и Шибкою, а сегодня уже онъ вовсе перенесенъ ими. Куда они отошли — неизвѣстно, но, во всякомъ случаѣ, это было предпринято изъ опасенія удара съ нашей стороны. Нужно было воспользоваться этимъ обстоятельствомъ и, сосредоточившись, ударить на нихъ сомкнутыми частями, но — мало у насъ было людей для рѣшительнаго удара, останавливало подобное движеніе не-

значительное число уцѣлѣвшихъ офицеровъ — только мы этого не сдѣлали и пропустили удобную минуту. Турки были уже деморализованы до того, что офицеры, идя позади своихъ частей, убивали ихъ изъ револьверовъ, гоня въ бой. Потери наши въ этотъ день, я думаю, равняются потерямъ всѣхъ предшествовавшихъ дней или немногимъ менѣе этого. Нѣкоторыя роты житомирцевъ, стрѣлковъ, подольцевъ остались вовсе безъ офицеровъ; все время дорога на протяженіи семи верстъ почти была занята носилками съ ранеными. Нѣкоторыя части особенно потеряли. Такъ, на примѣръ, въ 3-й и 4-й ротѣ 14 го стрѣлковаго батальона вчера оставалось отъ побоища около 100 человѣкъ, а сегодня изъ нихъ вернулось 37! Во второмъ батальонѣ житомирскаго полка выбылъ второй составъ офицеровъ, а отъ третьяго батальона не осталось и трети. Потерявъ надежду взять батарею, мы стали отступать; турки слѣдовали за нами въ почтительномъ отдаленіи, но словно градомъ осыпали разрозненные и разстроенныя части пулями. Мы отошли за взятый нами редутъ второй горы и расположились тамъ на отдыхъ, а турки заняли цѣпью мѣстность передъ редутомъ. Такимъ образомъ вершина второй горы съ своимъ укрѣпленіемъ была пока нейтральной. Уже къ утру оказалось, что турки отступили на Лысую гору и еще сильнѣе укрѣпились на ней.

Результатомъ дня этого было очищеніе турками нашего лѣваго фланга.

Подъ конецъ нервы стали притупляться. Смотришь совершенно спокойно на всѣ эти полныя ужаса картины, только стоны раненыхъ и всхлипыванія ихъ сильно еще дѣйствуютъ на душу. Кровь, кровь и кровь кругомъ... Умираютъ на глазахъ—становишься удивительно равнодушнѣе и безразлично относишься къ такой же возможности быть на этихъ же запятнанныхъ кровью носилкахъ... Раны одна ужаснѣе другой... Утромъ здѣсь и на боевыхъ позиціяхъ я вздрагивалъ, когда падали люди и кругомъ брызгало теплою кровью: теперъ равнодушіе ко всему...

А издали слышно пѣніе зауспокойныхъ молитвъ. Тамъ уже вырыта общая могила, и умершихъ отъ ранъ опускаютъ въ нее... Кругомъ священника стоятъ болгары и жарко молятся. Два солдата тутъ же на колѣняхъ...

Вечеръ тяжелаго дня былъ тихъ и спокоенъ, только ночью у турокъ началась безтолковая тревога. Послышалась трескотня выстрѣловъ, крики: „алла, алла, алла!“ въ которыхъ слышалась паника. Чего они взбудоражились—неизвѣстно. Говорятъ, что своихъ побили въ пылу случайной тревоги.

Въ теченіе этихъ дней—Шибка была отбита у турокъ. Мы уже обезопасили такимъ образомъ отъ ихъ вторженія въ Придунайскую Болгарію, и главныя военныя

дѣйствія начались вокругъ Плевны. На вершинахъ же Балканъ съ этого времени надо считать долгое, мучительное сидѣніе нашихъ стратотерпцевъ, живую стѣной защищавшихъ тутъ остальные русскія войска отъ паводненія непріятельскихъ таборовъ съ юга. Что тутъ творилось—о томъ будетъ разсказано въ своемъ мѣстѣ.

М. Н. Пр. допущенъ въ ученческія бібліотеки среднихъ и низшихъ учеб. заведеній и въ бесплатныя народныя бібліотеки и читальни.

Ея же. Ломоносовъ, Михаилъ Васильевичъ. Очеркъ его жизни и дѣятельности. Съ портр. Ломоносова. М., 1897 г., ц. 10 к.

М. Н. Пр. допущено въ ученическія бібліотеки низшихъ училищъ, въ бесплатныя народныя бібліотеки и читальни и для публичныхъ народныхъ чтеній.

Ея же. Страна восходящаго солнца (Японія). М. 1898 г. ц. 15 к. Съ картинкой на обложкѣ.

Кольцовъ, А. В. Стихотворенія, съ двумя статьями о немъ П. Смирновскаго. Съ портретомъ Кольцова. М. 1897 г., цѣна 20 к. Допущено въ ученческія бібліотеки всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній и городскихъ училищъ, въ учительскія бібліотеки низшихъ училищъ и въ бесплатныя народныя бібліотеки и читальни.

Немировичъ-Данченко, Вас. Ив. Богданъ Шипинъ. Разсказъ для юношества М. 1899 г. ц. 20 к.

— **Бродяжки.** Разсказъ для юношества М. 1899 г. ц. 20 к.

— **Глупый Федька.** Разсказъ для юношества. М. 1899 г., ц. 20 к. Каждая книжка съ картинкой на обложкѣ соответствующая тексту.

Хмѣлева, О. Н. Наменные пасынки наменной мачехи. (Очерки Финляндіи). М. 1898 г., ц. 15 к. Съ 2-мя картинками на обложкѣ.

Одобрено для училищъ средняго возраста, бібліотекъ всѣхъ средн. учебн. зав. мужскихъ и женскихъ и для бібліотекъ городскихъ училищъ и учительск. семинарій.

Ея же. Правда объ Усурійскомъ краѣ и его обитателяхъ. Подъ редакціей бывшаго агронома при Приамурскомъ Генераль-Губернаторѣ **Н. А. Крюкова.** Москва, 1899 г. ц. 25 к. Съ картинкой на обложкѣ.

Шелонскій, Н. Владѣнія русскаго Царя. Гдѣ живеть русскій народъ. Съ картой Европейской и Азіатской Россіи. П. 20 к.

Его же. Уральскія горы и какъ онѣ раздѣляются. М., 1898 г., ц. 10 к. Съ картинкой на обложкѣ.

Его же. Императоръ Николай I, черты и анекдоты изъ его жизни. Съ портретомъ Императ. Николая I. М., 1897 г., ц. 15 к.

Его же. Амурскій край и рѣка Амуръ. (Привольныя мѣста Русской земли). М., 1897 г., ц. 10 к. Съ картинкой на обложкѣ.

М. Н. Пр. допущена въ ученическія бібліотеки низшихъ училищъ, въ бесплатныя народныя библ. и читальни и для публичныхъ народн. чтеній.

Его же. Золотая Сибирь. Что такое золото и гдѣ его добываютъ. М., 1898 г., ц. 10 к. Съ картинкой на обложкѣ.

М. Н. Пр. допущена въ ученическія бібліотеки низшихъ училищъ, въ бесплатныя народ. библ. и читальни и для народ. публичн. чтеній.

Бурдонъ и Михельсонъ.

ПОЛНЫЙ СЛОВАРЬ ИНОСТРАННЫХЪ СЛОВЪ

вошедшихъ въ употребленіе въ русскомъ языкѣ,
съ означеніемъ ихъ корней.

Изданіе девятое исправленное и дополненное
В. Кошкаротымъ.

М. 1899 г. Ц. 60 к., въ пер. 85 в.

Предпринимая изданіе настоящаго словаря, я имѣлъ цѣлью дать возможность каждому приобрести полезную книгу по самой общедоступной цѣнѣ. По своей полнотѣ этотъ словарь имѣетъ большое преимущество передъ другими изданіями того-же рода: въ немъ помѣщено около 20,000 словъ, тогда какъ этотъ-же словарь (Михельсона и Бурдона, цѣна 4 р.) въ прежнихъ изданіяхъ, хотя и былъ озаглавленъ: „150000 иностранныхъ словъ“, однако содержалъ въ себѣ всего 22—23 тысячи словъ, въ томъ числѣ массу лишнихъ, какъ-то: переводъ еврейскихъ и другихъ собственныхъ именъ, спеціальныхъ латинскихъ названій различныхъ болѣзней, медицинскихъ и другихъ терминовъ и т. д., которые изъяты при исправленіи. Словарь же Дубровскаго (цѣна 1 р.) содержитъ въ себѣ всего 15—16 тысячъ словъ. Источниками при исправленіи и дополненіи словаря служили: Энциклопедическій словарь Брокгауза и Ефрона, словарь Граната и другія не менѣе извѣстныя изданія. Кромѣ того я приложилъ всѣ старанія, чтобы дать книгѣ изящную виѣшность: словарь отпечатанъ на хорошей бумагѣ и содержитъ въ себѣ 476 стр. убористой, отчетливой печати въ два столбца. Насколько я достигъ своей цѣли—предоставляю судить читателю (публикѣ).